

**«ТО УБОЖЕСТВО, КОТОРОЕ Я ВСТРЕТИЛ В ОБЛАСТИ РАБОТЫ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НА ДОНУ, МЕНЯ ПОРАЗИЛО»¹**

*Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина
генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г.*

Об авторе:

Владимир Васильевич Добрынин родился 9 июля 1883 г. в семье офицера, происходил из казачьих дворян станицы Заплавской Области войска Донского. В 1901 г. он окончил Донской кадетский корпус, в 1904-м — Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге и вышел хорунжим в 3-ю Донскую казачью батарею. Участвовал в Русско-японской войне, был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Уже после Русско-японской войны проявилась склонность Добрынина к писательству — в 1908 г. в Новочеркасске он издал книгу «Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батареи», а в дальнейшем приобрел известность как военный ученый.

В 1907 г. Добрынин был произведен в сотники с прикомандированием к управлению донской артиллерии. В этот период он принимал активное участие в исследованиях по истории Дона. В 1910 г. состоялось его производство в подьесаулы, тогда же Добрынин поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил по 1-му разряду в 1913 г., после чего был откомандирован в штаб Московского военного округа. Некоторое время он преподавал в Александровском военном училище, проходил цензовое командование сотней в 1-м Донском казачьем полку.

На Первую мировую войну офицер отправился старшим адъютантом штаба 53-й пехотной дивизии. Но вскоре война для него неожиданно закончилась. В чине капитана он, будучи контуженным в голову, вместе со штабом дивизии попал в плен 8 февраля 1915 г. Происходило это во время известного окружения XX армейского корпуса в Августовских лесах.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Весь период плена, в течение трех с половиной лет, Добрынин вел дневник². Момент пленения в нем отражен следующим образом: «8 февраля³. Около 4 ч[асов] д[ня] наша небольшая офицерская группа, бродившая после разгрома XX корпуса по южной опушке августовских лесов, напоролась на немецкий разъезд.

Нервный окрик “Halt”, лязг винтовочных затворов... все это было как-то неожиданно. Хотя, откровенно говоря, этого нужно было ожидать: после 12 суток отступления с постоянными боями, при сознании, что мы уже отрезаны от Гродно, куда должны были отойти, все потеряли энергию, выбившись окончательно из сил...

Остальные события момента пленения не оставили в памяти никакого воспоминания. Ясно помню лишь одно, как жадно набросились немецкие кавалеристы на мою дорожку в кавказской оправе шашку. Мне казалось, что они, стараясь стащить шашку⁴, надвое перетянут меня плечевой португеей — так нервно, нетерпеливо, они срывали с меня шашку. Самодовольство победителей достигло апогея, когда они вытащили из ножен прекрасный златоустовский дамаскированный матовый клинок, украшенный надписью “Португей-юнкеру Добрынину 1-й приз за фехтование. 1904 г. Мих[айловское] арт[иллерийское] уч[илище]” и поняли, что и клинок такой же дорогой, как дорога подаренная мне стариком-отцом оправы...

Нас обезоружили, и два кавалериста “погна́ли” группу на север по той самой дороге, по которой мы шли вчера в надежде под покровом ночной темноты проскользнуть между сторожевым охранением окруживших нас немецких войск⁵.

Вернулся домой Добрынин только в начале августа 1918 г.⁶ Возвращению предшествовало путевое знакомство с новыми реалиями послереволюционной России. В дневнике за 20 июля 1918 г. о проезде через Брест-Литовск записано: «Побывали сегодня у “украинского” комиссара. Странно было смотреть на чистокровного русского офицера, “заделавшегося украинцем”. Однако вечером, приняв нас в тесном семейном кругу, он, подогретый русской водкой, расточал такие эпитеты по адресу “украинской республики”, что я невольно задал ему вопрос:

— Зачем же вы служите ей?

Капитан многозначительно похлопал себя по животу⁷.

Путевые заметки красноречивы (запись от 21 июля): «На украинской территории мы встретили каких-то чубатых людей со зверскими лицами. Это тоже “украинские войска”⁸. Неприятное впечатление в Киеве производили

² ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1.

³ С 8–16 февраля урывками и украдкой я набрасывал лаконичные заметки, разработанные мной 17 февраля по прибытии в лагерь военнопленных. Дальше заметки велись регулярно. В. Д. (прим. В. В. Добрынина).

⁴ В тексте несогласованно: шашки.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁶ Там же Л. 138.

⁷ Там же. Л. 134.

⁸ Там же. Л. 135.

офицеры в роли официантов, всячески подчеркивавшие свою принадлежность к офицерству, а также разгульная жизнь дам из лучших семейств⁹.

Наконец, 4 августа Добрынин добрался домой, в станицу Каменскую, где на станции его встретила супруга, не узнавшая мужа, а 10 августа Добрынин приехал к родителям в Заплавскую¹⁰.

За боевые заслуги офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Служба Добрынина в Донской армии началась с должности начальника разведывательного отделения штаба Донской армии, которое он возглавил уже 1 (14) августа 1918 г. Отстав по службе от своих сверстников по причине плена, Добрынин стал наверстывать упущенное. Через месяц службы, 31 августа (13 сентября) 1918 г., он был произведен в подполковники.

По поручению атамана П. Н. Краснова Добрынин составил работу «Материалы об организации и силах Красной советской армии по данным к периоду ноябрь — декабрь 1918 года». В том же году последовало производство в полковники со старшинством с 5 (18) октября 1918 г. Дальнейших повышений в чине за всю Гражданскую войну он не получал, но 23 июня (6 июля) 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст.

27 июня (10 июля) 1919 г. Добрынин был назначен начальником оперативного отделения штаба Донской армии, разведывательное отделение принял подполковник Ф. Я. Шорников¹¹. На этой должности Добрынин оставался практически до своего ухода со службы весной 1920 г.

Обязанности начальника оперативного отделения были обширны. Среди прочего Добрынин вел журнал военных действий штаба армии, составлял оперативные сводки. Работа на важном оперативном посту, очевидно, пригодились при подготовке военно-исторических трудов. Не удивительно, что такие работы Добрынин начал выпускать одним из первых — непосредственно во время войны. Так, в 1919 г. он издал «Краткий обзор вооруженной борьбы Дона с советской властью за время с февраля по октябрь 1919 г.».

По оценке генерала В. В. Чернавина, полковник Добрынин организовал оперативную часть Донской армии на должном уровне: «Надо по справедливости отметить, что там служба неслась так, как она должна нестись. Большая заслуга в этом Ген[ерального] штаба полк[овника] В. В. Добрынина, человека исключительной добросовестности и пунктуальности»¹².

В связи с реорганизацией Донской армии после эвакуации из Новороссийска в марте 1920 г. в отдельный Донской корпус должность начальника оперативного отделения, которую занимал Добрынин, была упразднена, а сам он приказом № 144 от 25 марта 1920 г. был командирован за границу с особым поручением¹³. В виду невозвращения в Крым в октябре 1920 г. офицера исключили с военной службы¹⁴.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 136.

¹⁰ Там же. Л. 138, 140.

¹¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 100.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31об.

¹³ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 86. Л. 64.

¹⁴ Там же. Л. 149.

В эмиграции Добрынин оказался сначала в Югославии, а затем в Чехословакии. Состоял в Союзе русских военных инвалидов, Обществе офицеров-артиллеристов, был членом Донской казачьей станицы в Праге.

Добрынин активно участвовал в военно-научной деятельности, завоевав репутацию видного военного писателя Русского Зарубежья. Историю Гражданской войны на Дону Добрынин запечатлел одним из первых, практически по горячим следам, в книге мемуарно-исследовательского характера «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества», изданной в Праге в Славянском издательстве в 1921 г. Он состоял в открывшемся в октябре 1927 г. пражском кружке по изучению Первой мировой войны, причем с июля 1928 г. даже входил в его совет¹⁵. Добрынин был одним из постоянных докладчиков на заседаниях кружка. Вот некоторые темы его выступлений, дающие представление о круге интересов офицера: советская военная печать, военная мысль в Советской России, военная мысль русской эмиграции, характерные черты современной тактики. Сотрудничал он и с пражскими высшими военно-научными курсами, на которых читал лекции на тему «Война и экономика»¹⁶.

Список трудов Добрынина обширен. Только за 1918–1932 гг. он насчитывает не менее 68 наименований¹⁷. Он писал о жизни казачества, об истории Гражданской войны, о русской эмиграции, о текущих военно-политических событиях, а в начале 1930-х гг. даже составил курс русской грамматики для работников типографского дела. Публикации выходили и на чешском языке.

В. В. Добрынин был женат на дочери полковника Анастасии Васильевне Чумаковой, в 1928 г. у них родилась дочь Татьяна. Умер Добрынин в Праге 29 октября 1939 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

Об адресате:

Письмо В. В. Добрынина адресовано бывшему начальнику штаба Донской армии генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому.

Анатолий Киприанович Келчевский (Кельчевский) происходил из дворян Минской губернии, родился 19 января 1869 г., окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1891) и в 1900 г. Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Служба его проходила в Туркестанском и Виленском военных округах. В Санкт-Петербурге Келчевский с января 1909 г. служил заведующим обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами и примыкал к группе реформистски настроенных преподавателей, объединявшейся вокруг Н. Н. Головина. В академии Келчевский «пользовался общей любовью всего переменного состава как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения»¹⁸. Среди многочисленных питомцев академии и воспитанников Келчевского был

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 127; Д. 172. Л. 25.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 83об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 37–38.

¹⁸ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 30–31.

и Добрынин. Последний вспоминал как «несколько истеричный г[ене-рал]¹⁹ Кельчевский читал с каким-то надрывом, но ему, как артиллеристу, удалось из глубокого анализа современной артиллерии вывести неоспоримые научные выводы, оправдавшиеся с первых же шагов войны на практике»²⁰. Накануне Первой мировой войны Келчевский стал экстраординарным профессором академии.

В годы войны Келчевский командовал 6-м Финляндским стрелковым полком, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Затем с лета 1915 г. служил в штабе 9-й армии. Революционные события, по имеющимся свидетельствам, он приветствовал. Однажды в споре с капитаном И. А. Поляковым в марте 1917 г. он заявил тому: «Тебе, казаку, революция не по нутру, вы все больше насчет нагайки»²¹. Начался спор, в конце которого один будущий начальник штаба Донской армии (Келчевский) посоветовал другому будущему начальнику штаба той же армии (Полякову) отправляться с подобными убеждениями на Дон. Поляков же не остался в долгу и пожелал Келчевскому командовать дивизией из разложившихся солдат петроградского гарнизона, которых последний считал сознательным элементом.

После выступления генерала Л. Г. Корнилова Келчевского сочли лояльным Временному правительству и назначили на крупный пост командующего 9-й армией, а в сентябре 1917 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. Однако эйфория от революционных перемен вскоре спала. В 1918 г. Келчевский находился на Румынском фронте, откуда осенью через Украину приехал на Дон. Лишь в конце 1918 г. Келчевский поступил на службу в сражавшуюся с красными Донскую армию первоначально как начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта. Фронтом командовал генерал К. К. Мамантов, произведший на Келчевского большое впечатление.

В феврале 1919 г. Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского потребовал ухода со своих постов руководителей Донской армии — командующего генерала С. В. Денисова и его начальника штаба генерала И. А. Полякова (превратившегося в 1917–1918 гг. за год из капитана в генерала). После этого подал в отставку и атаман генерал П. Н. Краснов. Вместо генерала Краснова донским атаманом был избран генерал А. П. Богаевский, ориентировавшийся на более тесное объединение с добровольцами.

Новый атаман ходатайствовал перед Деникиным о назначении командующим армией генерала В. И. Сидорина (храброго офицера, в прошлом летчика-наблюдателя и участника корниловского движения) и начальником штаба опытного генерала А. К. Келчевского. Как писал Деникин, «первого, очевидно, по соображениям политическим (видный член оппозиции), второго — по военным. Так как военные познания и опыт Келчевского

¹⁹ В тот период Келчевский имел чин полковника.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 41.

²¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 31.

компенсировали отсутствие командного стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначения»²².

Донская армия в составе деникинских Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) участвовала в наступательных операциях весны 1919 г., а затем и в «походе на Москву» летом — осенью 1919 г. Вскоре успехи сменились неудачами, белые от Орла и Воронежа откатились на Северный Кавказ. Поражения на фронте обострили ранее сглаживавшиеся противоречия между казаками и добровольцами. Отношение командования Донской армии к главному командованию в начале 1920 г. стало резко негативным. Ставку Деникина донские генералы обвиняли в бездейственности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым, прежде всего, добровольцев, а не казаков и, по сути, предательстве²³. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация не была должным образом подготовлена, а расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа²⁴. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Генерал Сидорин был возмущен Деникиным, не выделявшим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств и, по одному из свидетельств, собирался застрелить его прямо на пристани²⁵. В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве²⁶. В действительности же Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии²⁷. Эвакуировавшиеся в Крым остатки армии (около 10 000 человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»²⁸.

²² Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 114.

²³ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 475; Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 182; 3В стане белых // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 9. Донская Вандея. М., 2004. С. 325–326.

²⁴ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 796.

²⁵ Раковский Г. Н. Указ. соч. С. 339.

²⁶ Там же. С. 340.

²⁷ Подробнее о новороссийской эвакуации см.: Венков А. В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 366–373; Дробязко С. И. Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь — май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

24 марта (6 апреля) 1920 г. в Крыму Донская армия была сведена в отдельный Донской корпус. Командование в лице генералов В. И. Сидорина и А. К. Келчевского осталось прежним. Однако вскоре после реорганизации генералы были преданы военно-морскому суду за издание при штабе корпуса газеты «Донской вестник», разжигавшей ненависть казаков по отношению главного командования ВСЮР и проповедовавшей эсеровские взгляды. Новый главнокомандующий ВСЮР генерал П. Н. Врангель считал Сидорина и Келчевского интриганам²⁹, но история с газетой была лишь предлогом для смены неугодных военачальников, тогда как кадровые перемены назревали уже давно³⁰.

Генералы не признали своей вины, утверждая, что не были осведомлены о направленности издания³¹. Возможно, так оно и было, хотя командование Донского корпуса проявляло определенную враждебность главному командованию и могло фрондировать. Якобы на заявление коменданта Евпатории генерала Н. С. Ларионова о том, что направление газеты вредное и левое, генерал Сидорин ответил: «Что же тут удивительного, мы сами левые», а генерал Келчевский добавил: «Довольно. Нас погубила Добрармия»³².

Суд длился два дня. Сидорина и Келчевского обвинили в бездействии власти, оба генерала были сняты со своих должностей и приговорены к четырем годам каторжных работ. Из уважения к прежним заслугам Врангель заменил наказание увольнением со службы без права ношения мундира. После этого Сидорин и Келчевский покинули пределы России.

Келчевский обосновался в Берлине, где стал сотрудничать с военно-научным журналом «Война и мир», а с № 4 (1922 г.) и редактировать этот журнал (после генерала М. И. Тимонова). Журнал «Война и мир» не без оснований считался в кругах русской военной эмиграции «сменовеховским» и просоветским. В действительности издание через частное немецкое издательство финансировало Разведывательное управление Штаба РККА. Журнал выходил до 1925 г. (вышло 19 томов по 400–450 страниц каждый) и даже распространялся в Советской России, обеспечивая неформальную связь между военными учеными из числа эмигрантов и военспецами РККА в целях усиления «сменовеховских» настроений в среде военной эмиграции. Кроме того, Келчевский активно печатался в других журналах

---

²⁹ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 61.

³⁰ Подтверждением этому служит тот факт, что один из наиболее радикальных авторов «Донского вестника» полковник С. К. Бородин, в своих статьях предлагавший казакам замирииться с Советской Россией (статья «Право крови» в № 5) и предоставить наступать на Москву русским, а самим передохнуть и сосредоточиться на борьбе за родные станицы (статья «Казачьи настроения» в № 6), не только не подвергся каким-либо преследованиям, но, наоборот, продолжил службу и даже был произведен Врангелем в 1921 г. в генеральский чин. Показательно и то, что впоследствии был оправдан даже редактор газеты сотник граф А. М. дю Шайла.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 15.

³² Там же. Л. 4.

по военно-историческим и военно-научным вопросам. В изгнании Келчевский прожил недолго — 1 апреля 1923 г. он ушел из жизни, будучи далеко не старым человеком.

Смерть Келчевского оказалась связана с политикой. Генерал А. А. фон Лампе записал в дневнике 1 апреля 1923 г.: «Сегодня ночью после большого политического спора у Колосовского с эсером полковником Махиным, прибывшим из Риги³³, скончался от разрыва сердца Анатолий Киприанович Келчевский, мой руководитель по академии, потом сотрудник Сидорина по Донской армии, герой процесса в Крыму, выступавший против белой армии в Сербии, потом редактор журнала “Война и мир” в Берлине.

Спор шел о том, какой вред причинили русской армии эсеры с их психологией попустительства и был принят Келчевским очень близко к сердцу. Ночью, после разговора, он умер!... смерть Келчевского считаю потерей — журнал по-видимому попадет в руки сменовеховцев типа Носкова или Достовалова и пойдет прямо на большевистскую дорожку! А пока он велся хорошо!»³⁴

В письме генералу П. А. Кусонскому от 2 апреля 1923 г. фон Лампе сообщал: «Вечером 31-го марта в редакцию журнала пришел Генерального штаба полковник Махин, только что прибывший из Риги, который, как известно, состоял в партии социалистов-революционеров и является их ярым сторонником. Произошел разговор, в котором Келчевский сильно разгорячился и нападал на Махина, обвиняя его и вообще всех социалистов-революционеров в развале русской армии, разложении страны и т. д. Келчевского успокаивали, а через несколько времени, придя домой, он скончался, по-видимому, от разрыва сердца.

Смерть Келчевского ослабляет умеренную группу и может допустить к редакторскому креслу Носкова, что не может не отразиться губительно на самом направлении журнала, в особенности в отношении к Русской армии»³⁵.

Определенные симпатии к левым кругам у Келчевского, видимо, присутствовали. Намеки на это содержатся и в письме Добрынина («я чувствовал в тебе демократически настроенного человека»). Не случайно, большинство генштабистов, проживавших в Германии, записались в Общество русских офицеров Генерального штаба, тогда как группа, объединявшаяся вокруг Келчевского и его журнала, стояла особняком, причем члены Общества не желали поддерживать с ними отношения «как с организованной группой, оплачиваемой советской властью»³⁶.

О документе:

Письмо Добрынина датировано 21 апреля 1922 г. Оно касается целого ряда аспектов донской истории периода революционных потрясений.

³³ Подробнее о Ф. Е. Махине: *Ганин А. В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16–59.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 88–89.

³⁶ Там же. Л. 155.

Но наиболее интересна мемуарная составляющая документа, в особенности все, что касается работы штаба Донской армии. Добрынин вспоминает о тех или иных ситуациях из жизни штаба армии в 1918–1920 гг., о характере взаимоотношений офицеров штаба. Приводимые им как осведомленным офицером оценки чрезвычайно важны.

В письме Добрынин в целом невысоко оценивает уровень донских штабных работников. Добрынин полемизирует с Келчевским по ряду вопросов, в том числе относительно публикаций Келчевского. Суть полемики можно понять, обратившись к этим работам. К сожалению, не удалось обнаружить письмо Келчевского, на которое отвечает Добрынин, оно могло бы многое прояснить в позиции генерала.

В целом же мировоззрение автора письма характерно для оказавшихся в эмиграции казачьих офицеров. Добрынин излагает свои достаточно наивные представления об идеальных казачьих вождях, включая командующего армией и ее начальника штаба (вожди, по мнению Добрынина, должны всю жизнь жить вместе с казаками, чтобы узнать их быт и нравы). Пишет он и о том, как должно действовать казачество в сложившихся условиях. Акцентирует внимание на необходимости союза с крестьянством. Эти рассуждения так и остались теорией, поскольку Гражданская война завершилась.

Удивительны представления полковника Генерального штаба Добрынина о том, что в эмиграции оказались вся российская интеллигенция и все казачество. Как офицер-генштабист Добрынин не мог не знать, что во главе Красной армии стояли десятки его бывших сослуживцев и однокашников — представителей военной интеллигенции, а казачество, в основном, осталось на Родине. При этом как точные наблюдения автора письма, так и его заблуждения дают пищу для историков, являясь отражением взглядов определенной части военной элиты белых.

Дружеское и бесхитрое письмо бывшего подчиненного своему бывшему начальнику содержит информацию по широкому спектру социально-политических и военно-исторических и военно-теоретических вопросов, дает яркие портретные характеристики деятелей казачества, раскрывает неизвестные эпизоды истории Гражданской войны на Дону, отражает борьбу группировок казачества в эмиграции. Все это в совокупности делает данный документ интересным историческим источником по самым разным вопросам.

Документ сохранился в личном фонде А. К. Келчевского вместе с другими письмами (в том числе от генералов П. Ф. Рябикова, В. И. Сидорина), публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Все даты отечественной истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. В биографических справках в отношении деятелей казачества указываются станицы, из которых они происходили, поскольку эти данные в ряде случаев могут дать информацию о неформальных связях упоминаемых персоналий по принципу землячества.

В.В. Добрынин

ПИСЬМО А. К. КЕЛЧЕВСКОМУ ОТ 21 АПРЕЛЯ 1922 Г.

V. Dobrynine
Prague-Vinohrady
Grégova ul. 2.
21/IV 1922
№ 62

Христос Воскресе³⁷

дорогой Анатолий Киприанович.

Сердечно благодарю тебя за твой скорый и откровенный отклик. Теперь только я понял, почему ты не откликнулся на посланные тебе русскую и французскую книги (и на твоё имя, и Владимиру Ильичу³⁸) — ты пишешь, что не получил. Это я узнал не от одного тебя. Первая не заказная рассылка, по-видимому, сильно пострадала. На днях возобновлю тебе посылку этих книг, возобновив, приблизительно по памяти и надпись.

Теперь ответчу на твоё письмо, причем считаю нужным тоже тебе сообщить, что всегда говорил и говорю, что чувствую. Пожалуй, это во мне многим всегда не нравилось, но что ж делать!

Начну с того, глубокоуважаемый Анатолий Киприанович, что, работая по бытовым и казачьим вопросам с 1904 г., пропустив в печати достаточное количество на эту тему своих работ, я с убеждением могу сказать, что для меня в области казачьих вопросов особых авторитетов сейчас нет. Прости за откровенность, но это так. Я знал только одного — Л. В. Багаевский³⁹. Былые авторитеты, с которыми я работал в этой отрасли, уже сошли в могилу: Х. И. Попов⁴⁰, А. А. Карасев⁴¹, М. С. Жиров⁴², М. М. Поляков, Б. М. Калинин⁴³, Б. П. Кузмич (бывший преподаватель истории в корпусе). С Крюковым⁴⁴

³⁷ В 1922 г. Пасха приходилась на 16 апреля по новому стилю.

³⁸ Имеется в виду генерал В. И. Сидорин.

³⁹ Багаевский (Багаевский) Леонид Васильевич (04.08.1867–05.12.1951) — из казаков станицы Новочеркасской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Окружной атаман Донецкого округа (1916–1917). Помощник директора Донского музея (на 1919). Умер в эмиграции во Франции.

⁴⁰ Попов Харитон Иванович (21.09.1834–27.10.1925) — из казаков станицы Мигулинской Области войска Донского. Историк, археолог и меценат, один из организаторов Донского музея (ныне — музей истории донского казачества) в Новочеркасске, открытого в 1886 г. Отец донского походного атамана генерала П. Х. Попова.

⁴¹ Карасев Алексей Алексеевич (02.02.1834–22.03.1913) — из казаков станицы Островской Области войска Донского. Первый на Дону редактор и издатель частных газет «Донской вестник» (1866–1869) и «Донская газета» (1873–1879). Писатель, автор краеведческих очерков.

⁴² Жиров Михаил Семенович (02.09.1849–1921) — из казаков станицы Терновской Области войска Донского, генерал-майор. Военный историк, краевед. Умер в Новочеркасске.

⁴³ Калинин Борис Матвеевич (1838–1922) — из казаков станицы Вешенской Области войска Донского, генерал-майор. Журналист, историк и меценат. Автор статей в «Донском поле», «Донской газете», «Донских областных ведомостях». Автор «Материала для истории донской артиллерии» (Новочеркасск, 1904).

⁴⁴ Крюков Федор Дмитриевич (02.02.1870–04.03.1920) — из казаков станицы Глазуновской Области войска Донского. Писатель. Депутат 1-й Государственной Думы.

и Кумовым⁴⁵ не работал, но они были художники, а не историки. Мое глубокое убеждение, что и революционный процесс на Дону пошел не по нужному пути, потому что казачьим движением руководили люди, меньше знавшие казачество и больше его идеализировавшие[:] г[енерал] Каледин⁴⁶, г[енерал] Краснов⁴⁷, они не прошли той школы, которая нужна для познания казачества. Нужно было не только родиться казаком и потом оторваться от него на долгие годы, нет! Нужно было родиться, провести в его среде детство и все свободные минуты юности, молодости и дальше. Нужно было кончить с казачатами приходскую школу, попасть с ними овец и скотину, побегать в свободное от детского труда время босиком по улице, поездить с арбузами, хлебом, виноградом, сеном, огурцами, картофелем на скрипучем возу, запряженном медлительными и спокойными быками, поездить охлюпокой⁴⁸ в череду за скотом, участвовать в дерзких и малолетских играх, скачках, побродить со сверстниками по камышам и ковылям с ружьями, поездить с ними в чудные весенние разливы на рыбную ловлю, побывать на более крупных ярмарках; также нужно было близко изучить быт станицы в семейной жизни — обычаи при рождении, крестинах, свадьбе, похоронах, проводах на службу и встрече со службы; нужно было посмотреть обычаи, приуроченные к разным праздникам и особым дням; нужно было походить за плугом, за бороной, помахать косой, поворожить граблями, вилами, походить за катком и т. д. и т. д. Все то, что не пережито, могу сказать смело, ни одним из послереволюционных атаманов, ни одним командующим и начальником штаба Донской армии. Ну, а ко всему этому нужно посидеть годами над изучением донской истории, не только по Броневскому⁴⁹ и Пудовому, а немного поглубже.

Прости меня, но этой школы за нашими руководителями революционной годины не было. Люди отрывались от Дона со школьной скамьи и пришли на Дон с потоком русских беженцев спасаться от большевизма, и тут они вспомнили, что и они казаки. А до того времени? Они сняли казачьи лампасы или в лучшем случае (г[енерал] Краснов) служили в гвардейских казачьих полках, изучая казачество по парадным бородачам-гвардейцам. Вот в результате и получилось — когда коснулось работы практической, так мы и очутились в шкуре беженцев. Правда, здесь ведь не одни мы, казаки, а и вся российская интеллигенция, но от этого нам не легче. Казаки все-таки могли не испытать выпавшей на их долю тяжести.

За подписание «Выборгского воззвания» отбывал тюремное наказание в «Крестах» (1906). Один из организаторов партии народных социалистов. Участник Белого движения. Секретарь донского Войскового Круга. Умер от сыпного тифа.

⁴⁵ Кумов Роман Петрович (21.11.1883–20.02.1919) — из казаков станицы Казанской Области войска Донского. Писатель, драматург, журналист. Умер от тифа.

⁴⁶ Каледин Алексей Максимович (12.10.1861–29.01.1918) — из казаков станицы Усть-Хоперской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (18.06.1917–29.01.1918). Один из лидеров Белого движения. Застрелился в Новочеркасске.

⁴⁷ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — из казаков станицы Каргинской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (03(16).05.1918–02(15).02.1919). В эмиграции. Сотрудничал с гитлеровцами. Вывезен в СССР и казнен.

⁴⁸ Езда охлюпокой (охлюпью) — верховая езда без седла.

⁴⁹ Броневский Владимир Богданович (1784–1835) — генерал-майор, военный писатель. Автор «Истории Донского войска» (в 4 частях; СПб., 1834).

Вот мотивы, которые дают мне право считать, что казачество донское и его особенности я знаю, во всяком случае, не меньше других и потому считаю, что написанное мной правильно. В этом направлении буду работать и всю жизнь, как работаю со времен выпуска в свет своих набросков в журнале «Донец», «Михайловец», «Русский инвалид»⁵⁰, «В[оенный] сб[орник]», «Вестник русской конницы», «Донские ведомости»⁵¹ и в трудах особой группы по изучению истории Дона.

Теперь коснусь периода моей службы Дону во время Гражданской войны, отвечая попутно и на твои замечания.

Когда я приехал из плена, то на второй же день была выставлена солидными элементами станицы моя кандидатура в Круг⁵². В станичном правлении, я думаю, еще есть мой письменный мотивированный отказ. Я считал, что 3 1/2 г[ода] оторванности от Дона (в революцию особенно)⁵³ не дают мне права говорить от имени казаков. Нужно сначала присмотреться. И вот я начал присматриваться. Я попросился на 2–3 недели остаться при штабе, чтобы охватить обстановку сразу. Оставили, а когда увидели мою работу, то, видимо, оценили и оставили дальше.

Скажу прямо — то убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило. Я увидел, что война дала так мало, что мне стало больно. Кроме кордонной стратегии, отсутствия тактики, я обнаружил и отсутствие азов службы Генерального штаба в высшем штабе. Ничего не знали о положении мировой войны, о соседних фронтах. Я уже не говорю о политических переживаниях мира. Ну, кой-что удалось в этой области наладить. Обидно было только то, что наши юные наполеоны не умели использовать работы подчиненных. Дело доходило до того, как мне говорил Г. Я. Кислов⁵⁴, что интересные доклады в области иностранной политики не попадали в мин[истерство] и[ностранных] д[ел] Дона, т. к. мальчик Поляков⁵⁵ не ладил с г[енералом] Богаевским⁵⁶. Это ли не преступление?! То, что я пишу о службе штаба этого времени, я говорил бывшему у меня г[енералу] Денисову⁵⁷. Этот юнец (Поляков) выдерживал часами старых генералов в приемной. В области военного дела он оказался полным невеждой. В этом я убедился на совещании

⁵⁰ Правильно — газета.

⁵¹ Правильно — газета.

⁵² Имеется в виду донской Войсковой Круг — высший выборный орган казачьей власти.

⁵³ Речь идет о периоде пребывания Добрынина в плену.

⁵⁴ Кислов Григорий Яковлевич (20.11.1886–12.1920) — генерал-майор. 1-й генерал-квартирмейстер Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918). Генерал-квартирмейстер штаба Донской армии (1919). В распоряжении донского атамана (1920). Остался в Крыму. Расстрелян по постановлению чрезвычайной тройки Особого отдела ВЧК при РВС 4-й армии и Крыма от 07.12.1920 в Симферополе.

⁵⁵ Поляков Иван Алексеевич (10.08.1886–16.04.1969) — из казаков станицы Новониколаевской Области войска Донского, генерал-майор. Начальник штаба Донской армии (1918–1919). Умер в эмиграции.

⁵⁶ Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872–21.10.1934) — из казаков станицы Каменской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Войсковой атаман Донского казачьего войска (06(19).02.1919–21.10.1934). Умер в эмиграции.

⁵⁷ Денисов Святослав Варламович (10.09.1878–19.04.1957) — из казаков станицы Пятиизбянской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Командующий Донской армией (1918–1919). Умер в эмиграции.

в Торговой 1918 г. (объединение командования)⁵⁸. Здесь я увидел ясно одно: против военных реакционных голов, бывших в ставке, наши тоже реакционные головы штаба не годятся и в подметки. Я видел, что люди, руководящие Донской армией, не знали самых азов о том, что д[олжны] б[ыли] знать⁵⁹ и что кропотливо днями и ночами разрабатывалось мелкими чинами квартирмейстерской части. Здесь же я увидел и до сих пор остаюсь при этом убеждении, что г. Краснов являлся лицом, стоящим на голову выше всех деятелей юга России. Так я больше конкурентов ему и не видел. Слабая сторона его была — неуклонное стремление к восстановлению старого и плохой подбор сотрудников. Он хотел провести свою линию тогда, когда казачество химерило и ждало, что-то еще выйдет? Ты ставишь г[енералу] Краснову в вину, что он подчинился гл[авнокомандовани]ю. Я же, бывший на совещании и знавший обстановку, видел ясно: иного исхода быть не могло⁶⁰. Над Доном затягивалась петля; не помоги тогда добровольцы, дело тогда уж кончилось бы крахом, т. к., конечно, подчиниться политическому руководству донского круга гл[авно]командование никогда не согласилось бы. Получилось бы опять повторение старого — Степной поход и Кубань. Что у г. Краснова было громадное желание отстоять партию Дона — это вне всякого сомнения. Я думаю, это помнит А. М. Агеев⁶¹, бывший с нами в Торговой.

Дальше смена командования на Дону.

Если бы ты знал, дорогой Анатолий Киприанович, как я был рад, что штаб принимаешь ты. Знал тебя еще с памятного вечера провода болгар на войну⁶², когда ты мне и Шляхтину⁶³ рассказал о «младотурецких» гонениях⁶⁴, я чувствовал в тебе

⁵⁸ Речь идет о переговорах между командованием Добровольческой армии и руководством Донского казачьего войска об объединении, происходивших на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.). В результате достигнутых договоренностей были созданы единые Вооруженные силы на Юге России под командованием генерала А. И. Деникина.

⁵⁹ Подчеркнуто автором.

⁶⁰ Подчеркнуто автором.

⁶¹ Агеев Александр Михайлович (1893–09.11.1922) — из казаков станицы Клетской Области войска Донского, войсковой старшина. Адъютант донских атаманов А. М. Каледина, П. Н. Краснова и командующего Донской армией генерала В. И. Сидорина. В отставке с 15.05.1920. В эмиграции — в Болгарии. Редактор сменовеховской газеты «Новая Россия». Убит в Софии.

⁶² Речь идет об отъезде болгарских офицеров — слушателей Императорской Николаевской военной академии на 1-ю Балканскую войну осенью 1912 г.

⁶³ Шляхтин Эраст Эрастович (28.09.1886–03.12.1973) — полковник. Однокашник В. В. Добрынина по Императорской Николаевской военной академии (выпуск 1913 г.). Ober-квартирмейстер штаба III Донского корпуса (1919). Помощник начальника штаба 3-й Донской казачьей дивизии (1920). В эмиграции — в Югославии и Франции.

⁶⁴ «Младотурки» — группа турецких офицеров, организовавшая в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи. «Младотурками» с подачи заведующего обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами полковника М. Д. Бонч-Бруевича стали иронично именоваться участники неформального кружка борцов с традиционализмом и обскурантизмом в старой академии, лидером которого был полковник Н. Н. Головин. В кружок входили молодые профессора, преподаватели и заведующие обучающимися: Головин, А. К. Келчевский, А. А. Незнамов, Н. Л. Юнаков, В. А. Черемисов, А. А. Балтийский, В. Г. Болдырев, Б. В. Геруа, А. Ф. Матковский, П. И. Измestьев, В. З. Савельев, А. И. Андогский, С. Л. Марков, П. Ф. Рязиков. Накануне Первой мировой войны участники кружка оказались изгнаны из академии военным министром В. А. Сухомлиновым. Впоследствии почти все «младотурки» приобрели боевую или военно-научную известность.

демократически настроенного человека — раз, человека с громадным авторитетом для нас⁶⁵ — два, для Дона — три и для молодого командующего, которого Дон совершенно не знал⁶⁶ — четыре. Никогда не забуду я те счастливые дни, когда ты появился среди серой трудящейся массы нас, генштабов⁶⁷, не только как начальник, но и как старший товарищ. Однако скоро я увидел, что ты как-то странно ценил работу людей, не знавших ни минуты покоя и вложивших душу в службу. Рядом с людьми, работающими день и ночь, в штабе 4/5 людей не квартирмейстерской части совершенно ничего не делали, ловчились, обхаживали начальство, устраивали блага кумовьями, сватами и т. д. и благодумствовали, благодумствовали в полном смысле этого слова. Ты никогда не задавался вопросами — почему по моему почину квартирмейстерская часть подняла дело против штабной лавочки? Ты не допускал, видимо, мысли, что твоим верным помощникам зачастую не хватало самых простых вещей для жизни — какого-нибудь сахара, мяса, масла. Вся челядь, которой не надо было служить, стояла днями и ночами в очередях и тащила при содействии заведующего лавочкой все. Когда приходили мы, вырвав минуту, то нас встречали ответом: ничего нет. А ведь дома нас ждали семьи, которым тоже казалось естественным, что работа наша оценится хотя бы сравнением в благах с неработающими. Увы, этого не было. И вот здесь ты нас не только не понял сам, а когда я начал это дело, ты его не поддержал. Материально я все-таки никогда остро не нуждался, но я болел за тех своих подчиненных, которые ничего, кроме жалованья, не имели.

Второй случай, сильно меня убивший: помнишь, когда 2^й корпус при движении г[енерала] Мамантова⁶⁸ на Чир, а Секретева⁶⁹ к Верхне-донцам⁷⁰ не мог сдвинуться

⁶⁵ Офицеров Генштаба, служивших в штабе Донской армии.

⁶⁶ Речь идет о генерале В. И. Сидорине, назначенном командующим Донской армией 02 (15).02.1919 после ухода в отставку прежнего командования Донской армии в лице командующего генерала С. В. Денисова и его начальника штаба генерала И. А. Полякова. Начальником штаба при Сидорине стал генерал А. К. Келчевский. Армия тогда находилась в тяжелом состоянии и отступила к Новочеркаску. Новое командование сумело восстановить войска и начать наступательные операции (подробнее см.: *Венков А. В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014). Сидорин Владимир Ильич (31.01.1882–20.05.1943) — генерал-лейтенант. Командующий Донской армией (02(15).02.1919–24.03(06.04).1920), затем отдельным Донским корпусом (24.03(06.04)–05(18).04.1920). Предан суду вместе с А. К. Келчевским и уехал за границу. Умер в эмиграции.

⁶⁷ Самоназвание офицеров-генштабистов русской армии.

⁶⁸ Мамантов (Мамонтов) Константин Константинович (16.10.1869–14.02.1920) — из казаков станицы Нижне-Чирской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Крупный кавалерийский начальник в антибольшевистских силах на Юге России периода Гражданской войны. Командир IV Донского отдельного корпуса (07–12.1919), с которым совершил конный рейд по советским тылам (10.08–19.09.1919). Умер от тифа в Екатеринодаре.

⁶⁹ Секретев Александр Степанович (08.08.1881–08.05.1931) — из казаков станицы Нижне-Чирской Области войска Донского, генерал-лейтенант. 25.05 (07.06).1919 в чине генерал-майора, командуя конной группой, в результате 300-верстного рейда прорвался на соединение с участниками Верхне-Донского (Вешенского) восстания. В эмиграции — в Болгарии. Вернулся в СССР. Расстрелян.

⁷⁰ Верхне-донцы — в данном случае, участники Верхне-Донского (Вешенского) антибольшевистского восстания (11.03–07.06.1919).

с места. Я говорил об этом с Салимоном⁷¹, этот разговор прочитал комкор⁷², которого он совершенно не касался и послал резкую телеграмму о «неответственных критиках». Я говорил ему твои мысли или вернее подтвержденные тобой мои, я был вроде генкварма⁷³, и ты не защитил твоего помощника от резких нападений. Я не настаивал, потому что видел твоё нежелание ссориться.

Еще один резко сохранившийся в памяти случай — это во время стоянки на Сасыке⁷⁴: здесь, когда в поезде командарма жилось привольно и сытно, твои оперативные офицеры не имели ни куска сахара. И больно им было — работали они, а блага получали другие.

Вот здесь, дорогой Анатолий Киприанович, ты никогда не поинтересовался, какие нужды у тех, кто служит день и ночь, не поинтересовался судьбой тех, которым в своем письме ставишь в упрек, что они не подняли голоса в твою защиту, когда ты невинно пострадал⁷⁵.

Ты, дорогой Анатолий Киприанович, не подумай, что и я присоединился к молчаливым из мести. Напрасно ты напоминаешь наши стычки в Зверево и Новочеркасске. Не они вина тому, что я в своих работах не коснулся вопроса погрома штаба Донской армии Врангелем⁷⁶. Нет и нет. По этому вопросу я имею мнение, которое открыто здесь высказываю — суд этот был верхом безобразия и не повредил подсудимым, а лишь помог им в деле закрепления симпатий демократически настроенных кругов.

Здесь ты можешь спросить — почему я об этом не пишу?

Очень просто. Я писал и буду писать не о лицах, а о казачестве. Ведь смешно же читать дифирамбы Раковского⁷⁷ донскому командованию. Ведь мы же не мальчики, чтобы нам нужно было бы хвалить отдельных лиц. Лица могут претендовать на особые похвалы, если они принесли родине такую пользу, как принесли пользу своей

---

⁷¹ Салимон (Салимон-Светебный) Степан Митрофанович (03.08.1876–14.01.1944) — полковник. Старший адъютант штаба II Донского отдельного корпуса (1919). Умер в эмиграции.

⁷² Командир корпуса. II Донским отдельным корпусом до июля 1919 г. командовал генерал И. Ф. Быкадоров. Быкадоров Исаак (Исаакий) Федорович (19.05.1882–20.09.1957) — из казаков станицы Нижне-Кундрюческой Области войска Донского, генерал-майор. Один из организаторов Общедонского восстания 1918 г. Умер в эмиграции.

⁷³ Генерал-квартирмейстера.

⁷⁴ Речь идет о периоде пребывания штаба Донской армии на узловой станции Сосыка на Кубани в начале 1920 г.

⁷⁵ Речь идет о событиях вокруг командования Донского корпуса в Крыму в апреле 1920 г., когда генералы В. И. Сидорин и А. К. Келчевский были преданы суду в связи с сепаратистским курсом издававшейся при штабе армии газеты «Донской вестник». В результате суда генералы были приговорены к четырем годам каторги, но приговор был ограничен увольнением со службы без права ношения мундира, после чего Сидорин и Келчевский выехали за границу.

⁷⁶ Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — барон, генерал-лейтенант. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России и Русской армией (1920). Умер в эмиграции.

⁷⁷ Речь идет о книге корреспондента при штабе Донской армии, известного донского журналиста Г. Н. Раковского «В стане белых (от Орла до Новороссийска)» (Константинополь, 1920).

родине Наполеон⁷⁸, Вашингтон⁷⁹, Мольтке-старший⁸⁰, Бисмарк⁸¹. А где наши наполеоны, что они сделали? За что их прославлять? Вот моя откровенная точка зрения, с которой я никогда не сойду. Ведь если начать порицать гл[авнокомандован]ие за суд, то надо иметь документальные данные; их я не имел, при развертывании этих событий у дела не стоял и деталей не знаю (да и вообще от вопросов политики нас держали на почтительном расстоянии).

Это тоже я говорю всегда. Если я в разговоре, быть может, говорил (не помню), что ты «злой гений», как ты пишешь, то здесь, конечно, я иначе не мог понимать вопрос: я на тебя взирал с особой надеждой и пришлось в этом разочароваться; я думал, что ты вдохнешь в штаб душу, которой у него не хватало и выведешь Дон на нужную дорогу. К сожалению, у тебя не хватило той энергии, с какой ты отстаивал «младотурецкую» позицию в академии. В этом смысле я мог дать понятие «злой гений». На мой взгляд, твое положение как человека опыта и авторитета было более ответственно и тяжело, чем командующего. В твоей работе ты встретил бы самое честное сочувствие нас, генштабов, но надо считаться с тем, что в революционную эпоху люди служат не людям, а идее. Где же была работа командования в этом отношении? Делилось ли оно со своими ближайшими помощниками тем, чем должно⁸² делиться при такой работе? Оно хотело, чтобы все шло по мановению ока за ним — но для этого нужны особые данные. Кругом ближайшие подчиненные были не мальчики и, несмотря на ненормальность в этом отношении, работали от души, но отсутствие духовной связи все-таки было.

В деле проведения программ даже военного характера ты говоришь, что «взывал» к кругу о создании конницы. Анатолий Киприанович — командование д[олжно] б[ыло] не взывать, а делать, это мы могли взывать, и мы это делали: припомни наши частые разговоры с Ковалевым⁸³ у карты в Миллерово, когда мы указывали тебе, что давить надо с верхов, хотя бы к примеру, начиная с Мержанова⁸⁴. И что же ты сделал в этом отношении.

---

⁷⁸ Бонапарт Наполеон (15.08.1769–05.05.1821) — император французов, выдающийся полководец и государственный деятель.

⁷⁹ Вашингтон Джордж (22.02.1732–14.12.1799) — американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797), один из основателей США.

⁸⁰ Мольтке, фон Хельмут Карл Бернхард (Мольтке Старший) (26.10.1800–24.04.1891) — германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик, один из основателей Германской империи.

⁸¹ Бисмарк-Шенхаузен, фон Отто Эдуард Леопольд (01.04.1815–30.07.1898) — первый канцлер Германской империи, организатор объединения Германии.

⁸² Подчеркнуто автором.

⁸³ Ковалев Михаил Аникеевич (01.11.1884–1946) — из казаков станицы Нагавской Области войска Донского, полковник. Помощник начальника оперативного отдела Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918). И.д. помощника начальника оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Донской армии (1919). Старший адъютант штаба Донского корпуса (1920). В эмиграции в Болгарии. Вывезен в СССР. Умер в заключении.

⁸⁴ Мержанов Борис Анатольевич (04.03.1888–15.07.1962) — из казаков станицы Александровской Области войска Донского, полковник. Во ВСЮР с 28.11.1919. Начальник штаба 6-й Донской пластунской бригады (1919). В распоряжении генерал-квартирмейстера (на 1920). Умер в эмиграции.

Таким образом, если в книге касаться вопроса личностей, то нельзя же обходить и этих вопросов, о которых я пишу, но ведь это же закроет всю самую важную сторону и получится либо подсчет личных отношений, как вышло в записках Денисова (о чем я ему говорил)⁸⁵, либо дифирамбы Раковского. Нет! Я считаю, что мой метод более правильный — события в лето такое-то, как пишешь ты, а не сплетни.

Далее ты хочешь, чтобы я вынес порицание добровольчеству в той форме, в какую оно выродилось. Прости меня, Анатолий Киприанович, это не моя задача. Я буду писать о казачестве, отмечая попутно добровольчество спокойными и определенными штрихами, как я его понимаю, без всяких истерических выкриков. Кроме того, я совершенно не считаю себя компетентным в вопросе добровольчества, в вопросе калабуховской истории⁸⁶. Я должен был знать это ближе, а писать об этом по слухам не могу и не буду.

Ты говоришь о необходимости оценки добровольческой реакции.

Припомни, пожалуйста, мой исчерпывающий письменный доклад, когда я доказывал необходимость идти нам не на Новороссийск, а на Грузию. Припомни и ответ твой. Эпизод этот мной ясно очерчен на стр. 103–104 первой моей книги⁸⁷. Этот

---

⁸⁵ Денисов С.В. Записки. Гражданская война на Юге России 1918–1920 гг. Кн. 1. Январь-май 1918 г. Константинополь, 1921. Всего было намечено семь книг, но вышла только одна.

⁸⁶ Кулабухов (Калабухов) Алексей Иванович (1880–07.11.1919) — из казаков станицы Новопокровской Кубанской области, священник. Член Кубанской Рады и Кубанского Войскового правительства. Один из лидеров кубанских самостийников. Повешен по приговору военно-полевого суда за сепаратизм.

⁸⁷ «Еще в момент отхода к Кубани оперативная часть штаба Донской армии предусматривала возможность, что армия не удержится на Кубани. В докладе, сделанном по этому поводу 26 февраля (10 марта) во время стояния штаба армии в Тимашевской, указывалось на то, что отход всей армии на Новороссийск грозит большими осложнениями. Прежде всего, предусматривалось отсутствие достаточного количества средств для переброски всей армии и громадного количества беженцев из Новороссийска в Крым. Далее указывалось на то, что широкие казачьи массы, разделенные от территории Дона морем и потерявшие весь конский состав, в Крыму могут совершенно утратить боеспособность.

В виду этих соображений предлагалось, поддерживая тесную связь с добровольцами, направление которых определилось ясно на Новороссийск, приложить все силы к отрезвлению кубанского казачества и, объявив о создавшемся положении всем бойцам, отходить в общем направлении на юго-восток на Майкопский отдел. Далее предполагалось использовать этот богатый район для отдыха армии, тем более, что на этом направлении силы противника были ничтожны, и с наступлением весны перейти в наступление. В случае неудачи из Майкопского района имелось два пути отхода: в юго-восточном направлении через Пятигорск в Грузию (фланговый марш относительно слабой Ставропольской группы) и в крайнем случае в юго-западном — вдоль ж.-д. на Туапсе, оттуда по побережью на Грузию или на судах в Крым. Принятие этого решения вызывало необходимость начать немедленные переговоры с Грузией, для которой, согласно докладу, уничтожение вооруженных сил казачества большевиками грозило наводнением большевиками самой Грузии. Одновременно указывалось на необходимость в создавшихся условиях штабу армии отказаться от передвижения по ж.-д. в поезде, а перейти на передвижение лошадьми, держась ближе к войскам.

Начальником штаба армии этот проект был отклонен, причем было указано, что уже было решено с главнокомандованием об отходе армии, в случае необходимости, на Новороссийск,

доклад мой давал мысль — не разрывая резко с реакционной группой, чтобы она не могла сказать, что вся вина на нас, тем не менее, отделиться на самостоятельную дорогу. Добровольцы пошли бы в Крым, а мы, хотя бы силой оружия, — в Грузию. Твой ответ на мой проект ясно мне показал, что желания отделиться от добровольцев у тебя не было. Почему — я не знаю. Для меня ясно было, что наш поход на Крым — это гибель казачества. Я знал, что перевозить войска в Крым нет средств, а ты этого не знал, говорил, что все делается, кто-то закладывает какие-то базы. Неужели тогда ты верил во все это?! Да даже отбрасывая все это, я совершенно не желал и не желаю порицать добровольцев резко — кому будет легче от того, что одним ругателем станет больше? Станет ли после этого лучше? Нисколько.

Вопрос рейда Мамантова⁸⁸. Опять-таки скажу, чтобы писать о нем, нужно иметь данные и пока я их не соберу, что делаю сейчас, до тех пор не могу и писать. Для меня ясно одно, что рейд не дал того, что от него ожидали. Почему — тоже со временем разъясню, как понимаю. Грабежа умолчать не мог и не могу — вся европейская пресса была переполнена комментариями к мамантовской преступной телеграмме — везем подарки. А поход с награбленным через Миллерово, уклонение от ревизии штаба армии, а подарки Мамантова. Анатолий Киприанович, да будь же справедлив и объективен⁸⁹. Мамантова я знал по полку, в котором командовал сотней, а он был штаб-офицером⁹⁰. Скажу прямо — впечатление очень и очень плохое. В гражданской войне его понять не мог. Думаю, что талантов кавалерийского начальника в строгом смысле слова у него не было, но ясно для меня из имеющихся от очевидцев дневников, что он держал казачьи массы в руках. В популярность же его среди крестьян, о чем пишешь ты, не верю; нужны доказательства. Никогда не забуду его историческую телеграмму в Звереву о капитуляции. Ее привез

откуда предположена экспедиция по побережью на юго-восток» (*Добрынин В. В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 — март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 103–104).

⁸⁸ Имеется в виду конный рейд IV Донского отдельного корпуса под командованием генерала К. К. Мамантова по советским тылам (10.08–19.09.1919) в период наступления ВСЮР на Москву. В ходе рейда казаки овладели городами Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец и Воронеж, станциями Касторная и Грязи. Рейд существенно затруднил управление советским Южным фронтом, отвлек на себя крупные силы РККА, нанес удар снабжению фронта и способствовал срыву наступательных операций красных. Вместе с тем результаты рейда могли быть более существенными, если бы казаки не оказались отягощены значительными обозами с захваченным имуществом.

⁸⁹ А. К. Келчевский в своих неопубликованных воспоминаниях давал восторженные оценки К. К. Мамантову (ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–35).

⁹⁰ Речь идет о 1-м Донском казачьем полку, к которому В. В. Добрынин был прикомандирован на полтора года для цензового командования сотней в 1914 г. В. В. Добрынин оставил воспоминания об этом, в которых без погружения в детали отмечал: «И здесь я принужден констатировать весьма печальный факт: в роли заведующего хозяйством войсковой старшина Мамантов оставил по себе весьма и весьма неблагоприятное впечатление. Его “хозяйственность” нами, командирами сотен, ощущалась довольно сильно... В роли строевого руководителя К. К. Мамантов тоже не проявил себя ничем особенным, кроме беспредельной любви к лошади и верховой езде... В стрелковом и тактическом отношении К. К. был прямо слаб и поэтому совершенно не вмешивался в это дело» (ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.).

Калиновский⁹¹. С ним мы тебе докладывали, что дело плохо. Ты нервничал, стучал кулаками по столу и кричал — все прекрасно. Я понимаю, что ты в душе считал нас паникерами, но лучше прямо смотреть фактам в глаза, а не заниматься самоутешением. Я, как начальник оперативного отделения, понимал, что отход зимой 1919 г. начался генеральный; своевременно я считал необходимым посмотреть в тыл; в результате, видимо, заслужил у тебя эпитет паникера. Предпочитаю такое паникерство, но не такую храбрость, скажу, ни на чем не основанную.

Из области военного дела: ты называешь в письме «пресловутая конница» Думенко⁹² и Буденного⁹³. Я иначе никогда и не думал и не думаю, но ты сам себе противоречишь — этой коннице ты посвятил брошюрку⁹⁴, помнишь ее, начальников ты внес было в свою статью «Односторонний опыт»⁹⁵ наравне с Врангелем, Мамантовым и др[угими] кавалерийскими начальниками. Правда, Думенко и Буденный вычеркнуты вместе с Шкуро⁹⁶ и другими, однако, значит, у тебя мысль все-таки всегда есть, оправдывающая за Думенко и Буденным приписываемые им таланты. Твоя рукопись, с которой я корректировал твою работу и сейчас у меня вместе с другими трудами, помещаемыми в № 2 «В[оенного] сб[орника]»⁹⁷.

Еще один вопрос чисто военного характера. Ты говоришь, что роль конницы выдвинута тобой. Не отрицаю, что, начальник штаба, ты эту мысль проводил. Но это не единственное мнение. После операций на Кавказе я во всех своих статьях в «Д[онских] вед[омостях]» всегда писал об этом. Кстати, может быть, ты припомнишь такой факт: когда Савельеву⁹⁸ не удалось форсирование Дона весной 1919 г.

⁹¹ Калиновский Константин Тимофеевич (20.05.1885–03.01.1962) — из казаков станицы Аксайской Области войска Донского, генерал-майор. Начальник оперативного отдела Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918–1919). Начальник штаба IV Донского отдельного конного корпуса (1919). Умер в эмиграции.

⁹² Думенко Борис Мокеевич (1888–11.05.1920) — советский военачальник, командир Конно-сводного корпуса РККА, один из организаторов советской конницы. Арестован по обвинению в убийстве комиссара Конно-сводного корпуса, лишен наград и расстрелян.

⁹³ Буденный Семен Михайлович (13.04.1883–26.10.1973) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, командующий 1-й Конной армией, один из организаторов советской конницы.

⁹⁴ *Келчевский А. К.* Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской Гражданской войне. Константинополь, 1920. А. К. Келчевский высоко оценивал способности Б. М. Думенко и С. М. Буденного как талантливых кавалерийских начальников и крупных самородков (Там же. С. 10).

⁹⁵ *Келчевский А.* Односторонний опыт // Военный сборник (Белград). 1922. Кн. 2. С. 213–220.

⁹⁶ Шкуро Андрей Григорьевич (07.02.1886–16.01.1947) — из казаков станицы Пашковской Кубанской области, генерал-лейтенант. Крупный кавалерийский начальник в антибольшевистских силах на Юге России периода Гражданской войны. Командир III Кубанского конного корпуса (1919–1920). В эмиграции. Сотрудничал с гитлеровцами. Вывезен в СССР и казнен.

⁹⁷ Речь идет о рукописи упомянутой выше статьи А. К. Келчевского «Односторонний опыт».

⁹⁸ Савельев Виктор Захарович (02.01.1875–1943) — из казаков станицы Ермаковской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Командир Сводного корпуса Донской армии (1919). Умер в эмиграции.

и когда ты шел говорить по аппарату с Мамантовым, то я тебе сказал — скажи ты Мамантову, пусть он оставит корпус и спорит [?] во главе конницы. Ты пошел и пришел из аппаратной довольным, что удалось уладить дело. Я только одного не понимаю, почему не признавая таланта Мамантова в то время, я тем не менее предлагал это. Видимо, заразился твоей верой в Мамантова.

В заключение еще о казачестве и моей работе, посвященной ему. Возможно, что очерк вышел бездушный, как ты пишешь, но что он объективен — в этом нет сомнений, и в чем сошлась вся пресса при оценке моей книги единогласно. Совершенно не правильно, что нет справедливой оценки⁹⁹ всего сделанного казачеством и оценки его жертв. Что значит справедливая оценка? Для этого нужно смотреть на казачество с точки зрения казака такого, который знает казачество хорошо, стремится не идеализировать его, а говорить правду; последнее достигается только кропотливым изучением истории; я изучаю смутное время и провожу параллель с 1917–1920 г., изучаю также и историю всех войн с точки зрения оценки казачества. Что ты не совсем хорошо знаешь казачество, это ясно из твоей фразы «с Дону выдачи нет». Это красивая историческая фраза, но не больше.

Цифр жертв не привел, потому что их нет, а таблицу напряжения ты найдешь на стр. 111 моей первой книги; о жертвах есть на стр. 112 п. 4.

О «сепаратизме» ясно мной сказано на стр. 100–101.

Кроме того, ты не принимаешь во внимание и последнюю мою работу. Там ведь вопросам «сепаратизма» и «централизма» отведено главное место, здесь же опять оттенена неприглядная сторона отношения гл[авнокомандован]ия к казачеству или как ты говоришь — двойная игра. Выражение совершенно не удачное, т. к. двойной игры не было, а была одна, и эта игра отлично охарактеризована главным злым гением казачества осважником¹⁰⁰ Соколовым в книге «Правление Деникина»¹⁰¹.

Тяжела драма казачества. О ней я тоже буду говорить, когда выясню вопрос всесторонне. Однако надо согласиться, что у врагов казачества были основания говорить о «казачьем сословном демократизме». Проклятые социалисты вина этому. Они погубили калединскую идею примирения казачества с крестьянством и, думаю, что сделано это не без умысла, т. к. этим мечтателям и фантазерам казачество было страшней всего. Не страшно, что социалисты против казаков, но страшно то, что никто не постоит за них. Читал ли ты хоть что-либо писанное не казаками похвальное о казачестве. Даже В. А. Харламов¹⁰², которого я считал буфером между казачеством и добровольчеством (во время борьбы) и тот, имея свой орган¹⁰³,

⁹⁹ Подчеркнуто автором.

¹⁰⁰ Т. е. сотрудником ОСВАГа (Осведомительного агентства) — информационно-пропагандистского органа, существовавшего на белом Юге в 1918–1920 гг.

¹⁰¹ Речь идет о книге К. Н. Соколова «Правление генерала Деникина» (София, 1921). Соколов Константин Николаевич (1882–1927) — русский юрист и политический деятель. Руководитель ОСВАГа. Умер в эмиграции.

¹⁰² Харламов Василий Акимович (1875–13.03.1957) — из казаков станицы Усть-Быстрианской Области войска Донского. Депутат Государственной Думы четырех созывов. Председатель донского Войскового Круга (с 1918). Умер в эмиграции.

¹⁰³ В первые годы эмиграции В. А. Харламов участвовал в редактировании парижской русскоязычной газеты «Последние новости».

не дает оценки казачества. Так что же нам ожидать от жидовского «Руля»¹⁰⁴ или махрового «Нового времени»¹⁰⁵ или «Русской мысли»¹⁰⁶. Левым казачеством страшно, как элементом правый, а правым — как левый. А центру?

Где же драма казачества?

Ответ, дорогой Анатолий Киприанович, страшный.

Нет нигде поддержки у казачества, и все стоят за то, что его надо уничтожить. Конечно, того духа, который вкладывает в душу казачества родная станица, привольная степь, ласковые спокойные реки донские — его не убьет никакое письменное уничтожение. Но факт остается фактом — нет друзей у казачества и добиться их можно только в среде крестьянства¹⁰⁷. Казачеству нужно привить мысль, что крестьянство не «хам» и «быдло», каким себе его рисовали донцы. Нужно казакам понять недопустимость «сословного демократизма», и когда эта задача осуществится, тогда уж будет легче. Большевики осуществили это очень радикально, но окончательно ли? Все пришедшее в революцию на Дон неказачье население и коренное крестьянство — все-таки это разные группы.

Теперь ближайшая и, по-моему, неизбежная драма: добровольчество ушло в эмиграцию без народа, ушла интеллигенция; казаки ушли всем народом, но сейчас им улыбается перспектива бросить эмигрантские мьгарства и вернуться домой. Весна — она особенно тянет домой в родные края. Я уже оторвался от той земли, на которой мой отец учил меня работать и то весной переживаю тревогу. А что простое казачество?

Вот, кажется, все, дорогой Анатолий Киприанович! Если высказал что-нибудь неприятное, то отнюдь не для обиды. Ты был начальником и хотел быть хорошим старшим товарищем и потому тебе небесполезно знать то, что тебе, как начальнику, не скажет никто. Я никогда не стеснялся в изложении своих резких мыслей (был случай на войне, излагал их Сиверсу¹⁰⁸ и Бринкену¹⁰⁹), но начинать сам свои «поучения», конечно, не мог. Другой вопрос, когда меня по этому вопросу спрашивают или затрагивают попутные темы.

Скажу еще, что если тебе еще придется служить в революционный период, то подбирать людей таких, которым безусловно веришь, но уже работой с ними душа в душу. Реакционный элемент белого движения силен был тем, что в этом отношении у них была единая работа. Нельзя теперь смотреть на подчиненных как на беспрекословных исполнителей воли. Для этого нужен авторитет особый.

Передай мой привет В. И. Сидорину. Я ему писал в Париж на «Последние новости», но ответа не получил, хотя там вопросов не было, а был ответ на просьбу

¹⁰⁴ «Руль» — берлинская русскоязычная газета под редакцией И. В. Гессена, издававшаяся с 1920 г.

¹⁰⁵ «Новое время» — белградская русскоязычная газета правого направления, редактировавшаяся и издававшаяся с 1921 г. М. А. Сувориным. Ранее издавалась в Петрограде.

¹⁰⁶ «Русская мысль» — белградская русскоязычная газета, издававшаяся в 1920 г. под редакцией профессора А. В. Маклецова.

¹⁰⁷ Подчеркнуто В. В. Добрыниным.

¹⁰⁸ Сиверс Фаддей Васильевич (18.10.1853–?) — генерал от инфантерии. Командующий 10-й армией Северо-Западного фронта (с 23.09.1914), в которую входил XX армейский корпус, где тогда служил В. В. Добрынин.

¹⁰⁹ Бринкен, фон ден Александр-Павел Фридрихович (28.08.1859–25.03.1917) — генерал от инфантерии. Командир XXII армейского корпуса (1912–1917). Умер на фронте.

А. М. Агеева дать материалы — все мной в предвидении возвращения было послано в штаб армии и там было получено, на что имеется расписка. А уцелело ли? Привет моей жены. Оба мы приветствуем от сердца Владимира Александровича Тараканова¹¹⁰ и вспоминаем его всегда хорошо-хорошо.

Да, забыл еще — с твоей статьей «Односторонний опыт» я не согласен. Дух убийства конницы — ошибка, но посылка конных масс в Вост[очной] Пруссию ничего не дала бы, кроме краха — пример, действие гвард[ейской] кавалерии. Да еще одно упустил — ты говоришь о «коммерции» в моей работе — могу сказать, что здесь, очевидно, недоразумение, а вернее, конечно, незнакомство с обстановкой. Итоги книжной коммерции тебе известны еще с мирного времени. Если будешь писать, очень рад буду. Всего хорошего. Твой В. Добрынин.

ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 15. Л. 35–42об. Подлинник. Автограф.

---

¹¹⁰ Тараканов Владимир Александрович (28.07.1871–?) — генерал-майор. Помощник начальника штаба Донской армии (на 1919). Военный ученый. В эмиграции — в Югославии.